

УДК 82–312.1(470+571)

О. А. ГРИМОВА,кандидат филологических наук,
преподаватель Кубанского
государственного университета**НАРРАТИВНАЯ ИНТРИГА В СОВРЕМЕННОМ РОМАНЕ***(Е. Г. Водолазкин «Соловьев и Ларионов»)*

Статья посвящена изучению повествовательных структур романа Е. Г. Водолазкина «Соловьев и Ларионов». Читательские ожидания организованы посредством такой разновидности нарративной интриги, как энигматическая интрига, интрига тайны.

Ключевые слова: *современный роман, нарративная интрига, энигматическая интрига, нарратор, Е. Г. Водолазкин.*

UDK 82–312.1(470+571)

O. A. GRIMOVA,candidate of Philological sciences,
teacher of Kuban State University**NARRATIVE INTRIGUE IN MODERN NOVEL***(E. G. Vodolazkin's «Solovyov and Larionov»)*

Article examines the narrative structure of E. G. Vodolazkin's novel «Solovyov and Larionov». Readers' expectations are organized by such a variety of narrative intrigue as enigmatic intrigue.

Key words: *modern novel, narrative intrigue, enigmatic intrigue, narrator, E. G. Vodolazkin.*

Нарратология – та область литературоведения, в рамках которой разрабатываются весьма продуктивные, на наш взгляд, стратегии работы с таким сложным объектом анализа, как современный роман. Особенно перспективным представляется введение в активный исследовательский обиход понятия «нарративной интриги», осмысленного в рамках западно-европейской гуманитарной традиции П. Рикером [1], а в рамках отечественной – В. И. Тюпой [2]. Согласно его определению, «интрига как интенционально адресованный конструктивный *интерес* наррации состоит в напряжении событийного ряда, возбуждающем некие рецептивные ожидания» [3]. Наряду с «традиционными» типами интриг (кумулятивной, циклической, лиминальной), исследователь предлагает выделять «новую», характерную для современной литературы «энигматическую интригу», структурная схема которой состоит в «перипетийном чередовании сегментов наррации, приближающих и удаляющих момент проникновения в тайну или обретения смысла» [4]. Именно эта интрига, как нам представляется, является основной в романе Е. Г. Водолазкина «Соловьев и Ларионов».

Уже само авторское определение жанра – «роман-исследование» – ориентирует читателя на восприятие данного текста как повествования

синтетической, одновременно художественной и научной, природы, организованного моделью «вопрос – поиск – ответ». Такой поиск в романе ведут все: молодой историк Соловьев, изучающий жизнь генерала Ларионова, пытается ответить на вопрос, почему белогвардейского главнокомандующего, отказавшегося эмигрировать и оставшегося в Крыму, который он безуспешно оборонял от красных, эти же красные не расстреляли; генерал, рассматривающий войну как материал для исследования тайны смерти; и, наконец, сам нарратор, старающийся понять, что же объединяет – при всем внешнем несходстве – исследуемого и исследуемого, Соловьева и Ларионова.

Наиболее отчетливо артикулированным двигателем читательской заинтересованности становится вышеупомянутый вопрос, ответ на который должен найти аспирант Соловьев: почему генерала не расстреляли? Сам вопрос именно в такой формулировке часто повторяется в тексте, читатель неизменно осведомлен, на каком этапе поиска разгадки находится ищущий. Образ генерала и всего, что его окружало, устойчиво атрибутируется как таинственное / тайна / загадочное и под. Разгадка то слегка приоткрывается, то ускользает из рук, в целом же изыскание, которое должно быть научным, напоминает скорее детективное.

Глобальная загадка распадается на ряд более локальных: находя все новые фрагменты мемуаров генерала, исследователь обнаруживает, что рукопись не полна и нужно искать продолжение. Соловьев попадает на конференцию, которая должна, по идее, пролить свет на загадку Ларионова, но слышит версии ответа на свой основной вопрос, градуированные по степени абсурдности: генерала не расстреляли, потому что он был юродивым; был женщиной и красный командир Жлоба, от которого зависело решение, любил его; сотрудничал с ОГПУ. Нужно отметить, что здесь использован несколько раз встречающийся в романе прием усиления читательской заинтересованности, когда несколько данных подряд ложных ответов на вопрос обостряют желание услышать, наконец, правильный.

Достижению этого же эффекта способствуют еще некоторые используемые нарратором приемы. Один из них состоит в том, что, подобно модели «рассказ в рассказе», в рамках ведущей, охватывающей все повествование интриги развиваются несколько более локальных «микроинтриг». Так, на конференции Соловьев слышит доклад (12 глава) о поразительном текстуальном совпадении мемуаров генерала, передающего свои детские впечатления от Ялты, и рапорта красного командира Жлобы, занявшего город в 1920 г. «Разгадка» дается в заключительной 19-й главе, где описывается, как Ларионов, желая спрятать от красных не успевший эвакуироваться последний свой отряд, буквально инсценирует увиденное в детстве. Поэтому кто-то из солдат отправляется чинить мостовую там, где ее чинили в детстве генерала, кто-то превращается в парикмахера, чистильщика обуви и т. д. – замаскировать генералу удалось всех, кроме себя. Существование таких «микроинтриг» в структуре романа всегда концептуально оправданно, они привлекают внимание читающего к чрезвычайно значимым для автора идеям. Так, по мнению Водолазкина, в контакте человека и истории первенство принадлежит человеку, история – та рама, в которую личность вписывает свой портрет. Вышеприведенный эпизод напрямую соотносится с этой концепцией – Ларионов практически срежиссировал ту реальность, которую увидят красные, организовал некий фрагмент истории.

Еще один прием, обостряющий читательскую заинтересованность и одновременно усиливающий энигматичность интриги, заключается в прерывании очень значимого для интриги эпизода в его кульминационной точке. Так, повествование о расправе над генералом, напрямую соотношенное с основным вопросом «почему его не расстреляли», которое приводится в уже упомянутой 12 главе (точка «золотого сечения»), заканчивается сообщением о том, что герой двинулся навстречу своим преследователям. Эпизод досказывается лишь в заключительной главе, причем занимает

композиционно маркированную позицию абсолютного финала текста. В самый критический момент на молу, где красные собирались расстрелять генерала, появляется их командир и главный враг Ларионова Жлоба, показывает им некую бумагу, и преследователи с неохотой отступают.

Та ветвь энигматической интриги, которая была связана с поиском ответа на вопрос «почему генерал остался в живых», оказывается завершенной, но то, как она завершается (читатель так и не узнает содержание бумаги, спасшей Ларионова), подсказывает воспринимающему, что окончательный ответ нужно искать не на авантюрно-событийном уровне, что речь идет не о шпионских страстях, военных хитростях и под. Ответ, на наш взгляд, может подсказать эпизод, который стал известен Соловьеву в процессе его разысканий. Случилось так, что на одной из станций поезда Ларионова и Жлобы пару часов стояли рядом. Узнав об этом, белый генерал в сопровождении своего денщика идет в вагон врага, захватывает его врасплох, собирается убить, но в последний момент передумывает, объясняя свой поступок тем, что «смерть не может ничему научить». Эта ситуация, на первый взгляд, выходит за рамки реальности, но, по мнению Водолазкина, реальность многомерна, и данный поступок имеет отношение к другому ее измерению – измерению чуда, являющегося результатом нравственного усилия. И это усилие так трансформирует привычную действительность, что в ней становится возможным получить воздаяние за проявленное милосердие не когда-нибудь в посмертии, а еще при жизни.

При анализе этой ветви энигматической интриги обращает на себя внимание некоторая избыточность информации: автор позволяет Соловьеву узнать о генерале гораздо больше, чем требуется для ответа на вопрос о причинах его спасения. Постепенно читатель понимает, что этот вопрос, который вначале позиционируется нарратором как главный, является скорее некоей метонимической репрезентацией целого массива вопросов, постепенно возникающих перед исследователем (какое событие можно рассматривать как жизненный пик Ларионова? исчерпывается ли смысл человеческой жизни достижением пика? и т. д.), сводящихся, в конечном счете, к главному: в чем же личностная тайна генерала? Ответа на этот вопрос Соловьев не находит, но то, что он выясняет в процессе поисков, дает возможность читателю сформировать свою версию.

Значимой особенностью выстраиваемой в романе интриги тайны становится ее способность влиять на формирование других типов интриг, например, циклической, организующей любовную линию романа по модели «потеря – поиск – обретение». Уезжая учиться в Петербург, Соловьев забывает о своей первой любви, соседской девочке Лизе Ларионовой. Именно в процессе биографических разысканий о генерале героя посещает

догадка, что она может быть внучкой великого человека, дочерью его непутевого сына Филиппа, и ее образ вновь начинает занимать соловьевское сознание и не исчезает оттуда, даже когда историк понимает, что его догадка неверна: «Запоздалое озарение в Лизином доме не повергло его в уныние. Как ни странно, оно стало даже облегчением. Лизина связанность с генеральским родом <...> несла в себе тяжелый груз. Это родство придавало Лизе некоторую избыточную ценность, в которой она не нуждалась. Она была его любовью, его забытой и вновь открытой радостью. Он знал, что будет ее искать» [5]. Получается, что переход от фазы потери к фазе поиска инициируется соприкосновением данной интриги и описанной выше энигматической интриги. Поиск разгадки личностной тайны Ларионова и поиски Лизы оказываются тесно связанными в сознании героя («Так много и страстно он никогда еще не работал. Он находил документ за документом, но это ни на шаг не приближало его к Лизе. Поймав себя на этой мысли, он понял, что на такое приближение он подсознательно надеялся» [6]), но не только в сознании. После огромного количества найденных «не тех» Ларионовых (этот прием уже использовался: ряд отрицательных результатов обостряет ожидание положительного), Соловьев получает знак от «той» – чудесным (!) образом попавшее к Лизе в руки окончание воспоминаний генерала. Он, а точнее, разыскания о нем, помогают не только вспомнить о потерянной любви, но и вновь найти ее. Разрешения обеих интриг оказываются синхронизированными, разгадка тайны либо обретение искомого оказываются связанными с чудом как выходом за рамки логики обыденного и ожидаемого.

В целом же можно заключить, что энигматическая интрига в рассматриваемом романе обладает сложной структурой, принцип соотношения ее сегментов можно было бы определить как «рамочный»: некто, разгадывающий тайну, сам

становится тайной для другого разгадывающего. Основная интрига является настолько значимой для реализации авторского замысла, что подчиняет себе другие типы интриг – лиминальную по своей природе интригу становления и циклическую любовную. Иногда разгадку тайны «подсказывает» чудо, понимаемое автором как результат нравственного усилия героя, однако в целом при рода энигматики, организующей роман, такова, что ее окончательная разгадка невозможна, ведь главная тайна, о которой пишет Водолазкин, – тайна человеческой личности в ее соотнесенности с масштабными онтологическими «загадками», такими, прежде всего, как время и смерть.

Литература

1. Рикер П. Время и рассказ: в 2 т. М.; СПб., 1998–2000.
2. Тюпа В. И. Нарративная интрига «Доктора Живаго» // Новый филологический вестник. 2013. № 2 (25).
3. Тюпа В. И. Нарративная интрига ... С. 73.
4. Тюпа В. И. Нарративная интрига ... С. 88.
5. Водолазкин Е. Г. Соловьев и Ларионов. М., 2014. С. 285.
6. Водолазкин Е. Г. Соловьев и Ларионов ... С. 328.

References

1. Ricker P. Vremya i rasskaz [Time and narration]: v 2 t. M.;SPb., 1998–2000].
2. Tjupa V. I. Narrativnaya intriga «Doktora Zhivago» [Narrative intrigue in «Doctor Zhivago»] // Noviy filologicheskij vestnik. 2013. № 2 (25).
3. Tjupa V. I. Narrativnaya intriga «Doktora Zhivago» ... S. 73.
4. Tjupa V. I. Narrativnaya intriga «Doktora Zhivago» ... S. 88.
5. Vodolazkin E. G. Solovjev i Larionov [Solovjev and Larionov]. M., 2014. S. 285.
6. Vodolazkin E. G. Solovjev i Larionov ... S. 328.

УДК 821.161.1(470.62)

О. В. СПАЧИЛЬ,

кандидат филологических наук,
доцент Кубанского государственного
университета

ПЕРВОЕ УПОМИНАНИЕ ФАМИЛИИ ЧЕХОВ НА КУБАНИ

Известно, что А. П. Чехов всегда стремился посетить Кубань, но этому желанию не суждено было сбыться. Фамилия Чехов впервые упоминается в кубанских исторических документах задолго до рождения знаменитого писателя. Данному факту и посвящена представленная статья.

Ключевые слова: А. П. Чехов, Федор Чехов, Кубань, ОЛИКО.